

Кольцов Алексей Васильевич (1809-1842)

Алексей Васильевич Кольцов- это весьма яркое явление в истории русской поэзии. Не случайно к концу 19 века стихи Кольцова положили на музыку более ста композиторов, а к восьмидесятым годам 20-го столетия – около трехсот композиторов. Речь идет о вокальных произведениях , которые созданы такими корифеями, как А.Л. Гурилев, А.Г. Рубинштейн, М.А. Балакирев, М.И. Глинка, С.В. Рахманинов и многие-многие другие. Один из первых в этом представительном ряду- А.Е.Варламов, который, как и автор стихов умер от туберкулеза.

Необычная притягательность поэзии А.В.Кольцова для музыкантов и вокалистов обусловлена напевностью стиха, ярким выражением чувств. Не случайно каждое шестое стихотворение поэта называется «Песней» или «Русской песней».

В метрической книге Входа-Иерусалимской церкви города Воронежа в 1809 году было записано: «Октября 3 рожден у купца Василия Петрова сына Кольцова и жены его Параскевы Ивановой

сын Алексей». В этой же книге в 1842 году появилась еще одна запись: «Октября 29 умер, ноября 1 погребен на кладбище Всех Святых воронежский мещанин Алексей Васильевич Кольцов, 33 лет, от чахотки».

Приводятся строки одного из последних стихотворений, которое написал Кольцов, будучи тяжело больным: «Ужель безвременно из мира выйду я, не совершив и задушевного желанья?»

Некоторые биографы и составители биографических очерков к повторным изданиям сочинений поэта причиной смерти называют чахотку. Другие считают, что смерть наступила от неуклонно прогрессирующего сифилиса.

До начала 19 века существовало понятие «сифилитическая чахотка», куда включались любые изменения в легких, развившиеся у больных сифилисом. В последующем оказалось, что эти изменения чаще не имеют отношения к сифилису, а обусловлены туберкулезом или различными неспецифическими заболеваниями легких.

В 1829 году поэт сблизился с Андреем Порфировичем Сребрянским, воспитанником Воронежской семинарии, весьма способным, грамотным юношей, тоже писавшим стихи, хорошо владевшим рифмой. А.П. Сребрянский, проболев несколько лет, скончался от чахотки 3 августа 1838г. Ранее тоже от чахотки умер и его старший брат. В 1830 году состоялось знакомство со Н.В.Станкевичем. В1836 году у Станкевича началось выраженное прогрессирующее туберкулеза, обусловившее необходимость его поездки за границу.

Впервые весной 1838 г. мы встречаем в письмах А.В. Кольцова сведения о нездоровье. Информация скудная, неопределенная, однако состояние нездоровья длится довольно долго (по меньшей мере 1,5 месяца), что не очень характерно для банальной простуды. Некоторые дополнительные сведения о «нездоровье» поэта можно почерпнуть у И.С. Тургенева: «Он (Кольцов) сидел в уголке... и изредка покашливал, торопливо поднося руку к губам... В двенадцатом часу вечера я вышел в переднюю вместе с Кольцовым, которому предложил довести до дому. Он согласился - и всю дорогу покашливал...». В коротком повествовании И.С. Тургенева это «покашливание» упоминается трижды. Таким образом, затянувшееся нездоровье А.В. Кольцова, сопровождавшееся упорным покашливанием, следует увязать с легочным заболеванием. С учетом последующих событий можно полагать, что это было проявлением начавшегося туберкулезного процесса в легких. По возвращении домой самочувствие нормализовалось. Не исключено, что этому способствовало длительное пребывание «...за 100 верст от города, в лесу», где он «мерял сосны, рубил дрова» (из письма А.А. Краевскому 27 декабря 1838 г.). Правда, в письме А.Н. Черткову (28 декабря 1839) фигурирует «простуда», из-за которой вынужден не выходить из дома.

Для разрешения очередного судопроизводного дела отца следующая поездка в столицы (Москва - Петербург-Москва)

состоялась осенью 1840 года. При этом в Петербурге в период с 5 октября по 26 ноября А.В. Кольцов жил на квартире В.Г. Белинского. Следует отметить, что В.Г. Белинский в ту пору вел холостяцкий образ жизни, влюблялся «страстно во все, что носит юбку», его чахотка прогрессировала, уже отмечалась выраженная одышка. Мы акцентируем внимание на этом обстоятельстве, чтобы подчеркнуть, что совместное довольно длительное проживание с больным туберкулезом В.Г. Белинским могло таить серьезную опасность для А.В. Кольцова. Если полагать, что в 1838 г. у поэта была вспышка туберкулеза легких, которая к 1840 г. затихла, то контакт с бациллярным больным мог способствовать обострению заболевания. Известно, что общение с бактериовыделителем представляет опасность не только для здорового человека, но и для больного туберкулезом (экзогенная суперинфекция может обусловить эндогенную реактивацию относительно компенсированного процесса). Уже в январе 1841 г. (письмо В.Г. Белинскому) поэт отмечает неопределенное состояние апатии: «...делать ничего не хочется...Прежде пило, а теперь и пить не хочется: гадко, все потеряло интерес, и самый порок потерял свою обольстительную силу... Лень и скука совсем овладели, и в голове какой-то студень».

Так или иначе, но после возвращения в Воронеж с весны 1841 года у А.В. Кольцова началось неуклонно прогрессирование заболевания. Этому могли способствовать и некоторые обстоятельства неординарного характера. В письме В. Г. Белинскому 1 марта 1841 г. сообщается: «Жизнь переменялась, недоступная дверь блаженства растворилась для меня... У меня была одна знакомая женщина, знакомая давно; и я ее любил, но молча (имеется в виду та самая «женщина-вамп» В.Г. Лебедева, которую так гневно осудили биографы- моралисты М.Ф. Де-Пуле и А.И. Введенский. - *Ред.*)... Ухаживал за нею два года «безмолвно, безнадежно»... Мы с ней сошлись. Надо вам знать сначала, что это за женщина: чудо! С меня ростом, брюнетка, стройна до невероятности. Хороша чертовски, умна, образована порядочно... Голубые большие глаза, черные брови, тело - мрамор, коса - шелк, ножки лучше нет в Воронеже... На томительном полдне моей жизни засветила наконец и для меня звезда блаженства».

Спустя всего 24 дня, В.Г. Белинскому пишет (25 марта 1841 г.): «...силы мои как-то начали мне изменять. В теле оказалась слабость, грудь начала болеть больше (значит, болела и раньше, но меньше.)... Гадкую пору жизни всегда надо убивать в самом себе, не передавая ее другим, особенно людям тем, которых любишь. В Москве удержался; Василию Петровичу Боткину однажды намекнул слегка - и только».

Приведенные выдержки из последнего письма свидетельствуют о том, что уже в начале 1841 года (в Москве после приезда из Петербурга) А.В. Кольцов чувствовал себя больным, у него болела грудь и уже тогда «силы начали изменять ему». Это согласуется с содержанием письма В.Г. Белинскому (10 января 1841 г. из Москвы), которое приводилось выше.

Здесь уместно несколько нарушить хронологическую последовательность писем, адресованных В.Г. Белинскому и В.П. Боткину, с тем чтобы более стройно изложить дальнейшее развитие болезни нашего пациента. Из письма В.П. Боткину 27 февраля: «В эту пору (весной 1841 г.) встречаюсь с женщиной... И два месяца убил с ней так, как никогда не жил с женщинами сроду.. заболел. Боль сначала заключалась в трех опухолях, и лекарь мой их в две недели прогнал». Из письма В.Г. Белинскому 2 июля 1841 г.: «По самый отъезд свой из Воронежа уверял, что она (В. Г. Лебедева) не чувствует, что она больна... Она поехала здоровая... к лекарю, - и все прошло».

В приведенных выдержках из писем содержится информация, на основании которой можно предположить, что у А.В. Кольцова был первичный сифилитический комплекс - твердый шанкр и пораженные паховые лимфатические узлы (три опухоли, о которых сообщает В.П. Боткину). Эти опухоли «лекарь в две недели прогнал». Следует напомнить, что первичный сифилис и без «усилий лекаря» в среднем после двухнедельного «цветения» в течение последующих двух недель самостоятельно проходит. «Усилия лекаря» могут способствовать более быстрому заживлению язвы, исчезновению бубонов (изменений со стороны регионарных лимфатических узлов). Необходимо также отметить, что у значительной части больных женщин первичный сифилис

может быть «немым». Поэтому-то возможно, «она уверяла, что не чувствует, что больна... она поехала здоровая».

Все эти любовные «радости-печали», разлука с женщиной, от которой без ума, а также серьезные размолвки с отцом и младшей сестрой, безденежье и прочее, безусловно, могли способствовать более быстрому прогрессированию туберкулеза. Уместно вернуться к упомянутому письму В.Г. Белинскому от 2 июля 1841 года: «К лекарю - и все прошло; только вслед за этим открылась боль в груди, потом распадение во всем организме. Убийственная испарина каждую ночь... открылся кашель желудочный, и я едва-едва уцелел живой - жизнь висела уже на волоске». В.Г. Белинскому 23 октября 1841 г: «... эта женщина, эта дьявол-женщина свела с ума... Я упал. Дух изменил, натура распалась, обессилела, в ней давно, может быть, и приготовлялось это распадение... Начинает болеть грудь чертовски... всякую ночь обливаюсь потом, как водой... все идет в испарину, тело слабеет... открывается кашель... мокрота валит... С утра думаю до вечера, какую пищу, как приготовить... (приходится) есть насильно... Хотя я и теперь еще сижу в комнате, но мой лекарь уверил меня, что скоро можно будет показываться на воздух...»

В.П. Боткину 27 февраля 1842 г.: «У меня опять образовалось воспаление, сначала в правом боку, а потом в левом противу сердца, довольно опасное и мучительное... несколько дней жизнь висела на волоске... Лекарь мой приезжал три раза в день... Мне стало лучше... Но сил еще нет...»

Последнее письмо, написанное; в мае 1842 г., было адресовано В.Г. Белинскому и В.П. Боткину: «У меня нет сил писать к вам двух писем. Никак еще не справлюсь с телом: оно изменяет... в половине Страстной недели (в 1842 г. - около 15 апреля) болезнь моя опять меня схватила, да как! Как никогда... Ночью жар... Кашель всю ночь и ужас мокроты... Меня боль так измучила, что жизнь висела на волоске... Однако мне лучше с каждым днем: теперь ем, сплю, хожу, выезжаю за город, только сил нет».

В августе 1842 г. больного посетил В.И. Аскоченский, товарищ А.П.Сребрянского по Воронежской семинарии: «Комната очень бедна: стол, кровать, два или три стула и больше ничего. На столе лежала Библия... в углу на стене висело небольшое распятие из

слоновой кости; по сторонам я заметил миниатюрные портреты Полежаева и Пушкина в гробу». Посетитель отметил «удушливый сипловатый голос» А.В. Кольцова, «удушливый кашель, прерывающий речь». Сипловатый голос мог быть следствием туберкулезного поражения гортани.

Судя по клиническим признакам болезни, в последние полтора года у поэта неуклонно прогрессировала злая чахотка, характеризующаяся двухсторонним поражением легких и плевры, формированием множественных полостей распада. Клиническая картина заболевания не может быть объяснена сифилитическим поражением органов дыхания, кроме того, подобного рода изменения могут развиваться спустя многие годы после перенесенного первичного сифилиса (висцеральный гуммозный сифилис третичного периода).

Наконец, следует привести еще одно весомое свидетельство в пользу туберкулеза. Известно, что младшая сестра поэта Анисья длительно проживала с ним в одном доме в самый разгар его болезни. Поэт занимал проходную комнату. По свидетельству М.Ф. Де-Пуле, Анисья умерла от чахотки в возрасте 27 лет. С учетом всего изложенного мы полагаем, что дальнейшую дискуссию о причине смерти А.В. Кольцова следует признать нецелесообразной. Есть все основания согласиться с лаконичной записью в метрической книге: «... умер...33лет, от чахотки».

В октябре 1861 года рядом с могилой А.В. Кольцова был похоронен другой воронежский поэт - Иван Саввич Никитин в возрасте 37 лет. Их роднит не только город, в котором они родились и выросли, но и схожесть жизненной судьбы, и обоим в расцвете лет было суждено умереть от одной болезни - чахотки.